“Я вижу в этом войну между теми, кто верит в либеральную демократию, которая является предварительным условием психоанализа, и теми, кто в нее не верит. Кажется, я понимаю, что вы не верите в неё.” — Сержио Бенвенуто

Чуть больше года назад, в марте 2022, состоялась закрытая лекция в рамках “обучающего” курса лакановского психоанализа. По более чем понятным причинам в аудитории правила бал тревожная растерянность — началась война. Ещё на подступах к университету слушатели, после месячного перерыва в занятиях, обменивались новостями. К счастью, на тот момент это событие не принесло в жизни присутствовавших ничего кроме относительно мелких неурядиц и затруднений. Сама лекция, хотя и предварялась словом о произошедшей трагедии, тем не менее проходила в штатном режиме. Однако, по мере продвижения, общая обеспокоенность трансформировалась в нечто совершенно иное. Так, рисуя упрощенную версию схемы L Лакана, лектор, неожиданно для всех, отпрянула от доски и пустилась в избыточные разъяснения.

Дело в том, что схема L, до того как на ней будет изображена финальная четвертая линия, размечающая бессознательное, выглядит как буква Z, символ текущей войны. Торопливые разъяснения лектора, если их резюмировать, сводились к формуле “Это не то, о чем вы могли подумать”, так будто кто-то действительно мог наброситься на неё с осуждением и подозрением в военной пропаганде на лекции о психоанализе — жест, неявно отсылающий к практике публичных извинений.

За абсурдной карикатурностью самой ситуации, проглядывает нечто, что может иметь отношение к действию цензуры или скорее того, что в более поздних

изысканиях Фрейда получило название инстанции Сверх-Я. В том случае, если бы в деле был замешан только лишь Закон (в лакановском смысле), скроенный по лекалу заповеди “Не убий”, все ограничилось бы той же обеспокоенностью и, быть может, справедливым возмущением, поскольку очевидно, что лектор едва ли имеет какое-то, хотя бы и самое косвенное, отношение к кровопролитным эксцессам военного jouissance. Тем не менее, Сверх-Я, как выраженный в своей крайней форме простой императив “Наслаждайся!”, закономерно порождает наслаждение определенного толка — его дериваты в актуальной политической ситуации можно наблюдать в риторических вариациях на тему “стыдно быть русским”.

Вторая часть занятия под руководством уже другого оратора также не обошлась без характерных речевых злоключений. Желая выразить неодобрение в адрес нового положения дел, аналитик дополнительно сообщил некоторые подробности своей практики: условно “достаточно хорошие анализанты” были шокированы и невротизированы текущим развитием событий сполна, в то время как один из них не выказал по поводу происходящего ни малейшей тревоги или недовольства, и продолжил держать свою речь в анализе так, будто ничего существенного не произошло. В свою очередь, лектор, без обиняков, выразил раздражение с кафедры в адрес подопечного, оказавшегося преступно нечувствительным к тектоническим сдвигам современной истории, зафиксировав, хотя и не озвучив непосредственно в кабинете, вопрос — “А не заметили ли вы, что что-то изменилось?”. Подобные изречения в жанре моралите вполне ожидаемы из уст политического активиста, однако звучат несколько необычно, когда речь идет о психоаналитике.

В обозначенной выше ситуации интересен не столько факт отступления от общего, успевшего набить оскомину, но от этого не менее важного принципа “быть на стороне анализанта”, сколько топография подобных высказываний — откуда это говорится. Морализаторский и аффектированный характер речи в данном случае проистекает из все той же инстанции Сверх-Я. Однако, если первый лектор была скорее невротизирована внутренним императивным требованием, то второй оратор выступил в качестве его глашатая, на время заняв позицию, отмеченную перверсивностью, в том смысле, в котором перверт указывает как именно субъекту надлежит насладиться. Здесь можно переиначить формулу из статьи Никиты Архипова: “Ты наслаждаешься как мужчина, или никак” на “Либо ты наслаждаешься как политически сознательный гражданин, либо с тобой что-то не в порядке”. В любом случае, требование присоединиться к наслаждению ангажированной части интеллектуального сообщества, которое подается под соусом т.н. здравого смысла (что бы это ни значило), оказывается здесь налицо. Что не так с этой ссылкой на якобы всеобщую очевидность и здравый смысл?

Будучи в состоянии достойно держать удар, не играя на понижение, некоторые аналитики все же способны продуцировать неаффектированный текст, указывающий на наслаждение войной со стороны Z-активистов. Хорошим примером такого текста, который одновременно не склоняется в сторону социальной критики и произведен в строго аналитическом дискурсе, является статья Глеба Напреенко. Тем не менее, всеобщее замалчивание идентично скроенного наслаждения по ту сторону Z-баррикад будто бы не подлежит анализу изначально, поскольку является то ли слишком “морально оправданным”, и потому нормативным в интеллектуальной среде, то ли несёт за собой определенные репутационные

риски: нетрудно представить как производящий подобное высказывание аналитик повторяет судьбу героя романа Филипа Рота “Людское клеймо”.

“Если ты не с нами, следовательно ты против нас” — логика, главным образом, нарциссически-воображаемого порядка, которую аналитики прекрасно считывают на уровне противостояния субъектов, помеченных означающими “русский” и “украинец”, но будто бы в упор не замечают в аналогичном противостоянии условных “ватников” и “либерах” (или каналий и олухов по Лакану), как обычно именуют друг друга стороны враждующих лагерей, волею судеб влечений расположившиеся на разных сторонах политических координат. Подобное нераспознавание может быть обусловлено как раз тем фактом, что аналитик принимает слишком активное и деятельное участие в этой игре.

Что вообще заставляет кабинетного практика позволить впутать себя в авантюру политического высказывания? Во-первых, извечное требование в его адрес со стороны интеллектуала, подозревающего аналитика (как, впрочем, и не-аналитика) в молчаливом соучастии аппарату правящих структур. Однако, если предполагается, что в своем кабинете практик способен уклоняться и отбивать требования анализантов, здесь он зачастую оказывается беспомощен и подчиняется.

Во-вторых, что-то не срабатывает на уровне Я-Идеала. Аналитический Я-Идеал, очевидно, не включающий в себя настоятельную потребность каким бы то ни было образом принимать участие в политике, быть идеологизированным, иметь и публично артикулировать на этот счет свое мнение — оказывается замещен Я-Идеалом умеренно либерального интеллектуала, стоящего на страже общественного блага.

Помимо того факта, что социально-критическое высказывание психоаналитика не имеет никакого веса и последствий непосредственно на политической сцене, и делается скорее в сердцах, факультативно или для “очистки совести” — само это высказывание вполне может оказаться злокачественным уже на территории его частной практики.

И дело тут вовсе не в том, что воинственно-антивоенная публичная позиция, подобная позиции Д. Ольшанского, может ранить или оттолкнуть от него неких мифических Z-анализантов, если таковые вообще существуют и способны прийти в анализ. Впрочем, если они все–таки существуют и приходят — возникает закономерный вопрос о том, что именно в образе/письме/способе держать публичную речь вызывает перенос на конкретного практика со стороны людей, приверженных популистским идеям.

Также вторичным является и вопрос о социальном остракизме, которому рискует подвергнуться та часть неокрепших, молодых аналитиков, которые отказываются присоединиться к всеобщему наслаждению, аккумулируемому их мэтрами.

Основная проблема заключается в том, до какой степени эта позиция способна невротизировать анализантов, которые:

а) по каким-то причинам смогли в значительной степени избежать невротизации войной;

б) дополнительно невротизировать тех анализантов, которые и так занимаются политическим активизмом.

Если можно предположить, что первые, благодаря уже имеющемуся переносу, все же заблаговременно, пусть и с небольшой задержкой, все–таки обзаведутся социально-одобряемой травмой, либо хотя бы

невротизируются по поводу своего вопиющего равнодушия, чтобы умаслить аналитика, то со второй категорией анализантов дело обстоит несколько сложнее.

Так, в анализ приходят люди, уже достаточно покорившиеся требованию интеллектуального поля: они проводят акции, пишут тексты, организовывают выезд военнообязанным мужчинам. Примечательно то, что чем больше они делают, тем хуже им становится. Тем более ничтожным и бесполезным видится их вклад. Тем больший груз вины регистрируется в анализе. Здесь снова прослеживается работа инстанции Сверх-Я и её “бессмысленный, слепой, чисто императивный и неприкрыто тираничный характер”. Внимания в данном случае заслуживает только один вопрос: какое все это имеет отношение к желанию?

“Поступки, совершенные во имя блага, а тем более во имя блага другого, менее всего способны избавить нас не только от чувства виновности, но и от самого разного рода внутренних катастроф. Не избавляют они нас, в частности, и от неврозов и их последствий. Если анализ вообще имеет смысл, то желание представляет собой не что иное, как то, что служит бессознательной теме опорой, артикуляцию того, что волей-неволей укореняет нас в конкретной судьбе — судьбе, требующей, чтобы долги были выплачены. Оно повторяется, возвращается на круги своя, оно вновь и вновь приводит нас в один и тот же фарватер, в фарватер того, что касается непосредственно именно нас”. — Лакан, «Этика психоанализа»